

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

МУЗЫ СОКРОВЕННОГО
ХУДОЖНИКА

Георгий Баженов

Музы сокровенного художника

«Баженов Георгий Викторович»

2006

Баженов Г. В.

Музы сокровенного художника / Г. В. Баженов — «Баженов
Георгий Викторович», 2006

ISBN 978-5-711-70115-6

«Музы сокровенного художника» – это ответ Георгия Баженова на два сакраментальных вопроса современности. Первый: что такое жизнь человека – фатальность или творчество? Второй: что такое жизнь творца – высота откровения или бездна заблуждения? Но еще более сущностной вопрос романа: какое место занимает в нашей жизни любовь? Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 978-5-711-70115-6

© Баженов Г. В., 2006

© Баженов Георгий Викторович, 2006

Содержание

Музы сокровенного художника	5
Глава I	5
Глава II	13
Глава III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Баженов Хвала любви

Музы сокровенного художника Роман-портрет

*Я праздновал бы великий праздник радости, если бы кто-нибудь
несомненными доводами убедил меня, что я заблуждаюсь.
К. Н. Леонтьев*

Глава I

Зазвонил телефон, Вера подняла трубку.

– Тетя Вера, можно мы приедем? – Ванюшкин голос звенел как колокольчик.

– Конечно, можно, – ответила Вера. И улыбнулась устало, отрешенно: – Конечно, приезжайте.

– А папа дома?

Что она могла ответить?

– Нет, папы дома нет. Мы одни.

– А что делает Баженчик?

– Вот, стоит рядом, тербит меня за подол. Мы пол моем.

Полторагодовалый сын Веры, действительно, стоял рядом и размахивал тряпкой, так что брызги летели во все стороны.

– Тихе, тихе, сынок... Ишь, развоевался! – Вера успокаивающе погладила его по голове.

– Ага, я развоевался, – самозабвенно подтвердил тот.

– Так мы едем! – еще звонче прокричал Ванюшка и положил трубку.

Вера какое-то время постояла у телефонной полки, при этом руки у нее висели как плети, но вот она встряхнулась от наваждения, улыбнулась бесшабашной улыбкой:

– Ну, сынок, будем дальше пол мыть?

– Будем! – и он со всего маха бросил тряпку в ведро: фонтанным веером брызнула оттуда вода.

Вера не стала ругать сына (что с него возьмешь?), подхватила ведро и тряпку и принялась домывать полы. Сын копошился рядом – босой, с мокрыми ногами, в одних трусах, даже без майки, хотя температура в комнате была не ахти какой жаркой. Вера давно решила: не сюсюкать над сыном, пусть растет, как растет, из-за чего не раз, конечно, ругались они с Гурием, с мужем.

Да что теперь вспоминать... Есть ли он теперь, муж? Кто его знает. Подхватился – и уехал. А куда, зачем, на сколько – спроси ветра в поле.

Но не привыкла унывать Вера: чему быть – того не миновать. Высоко подоткнув подол платья, она мигом домыла пол в комнате и, пятась, выбралась в коридор. И коридор решила помыть, и кухню, и ванную с туалетом: легче на душе становится, когда квартира сияет чистой, порядком и уютом.

Из комнаты напротив вышел сосед Виктор:

– Ах, Верка, – прищелкнул он языком, – ну и ножки у тебя!

– Не смотри! – отмахнулась Вера, продолжая мыть, как ни в чем не бывало.

– Ну да, не смотри, – косился Виктор. – Не показывай – смотреть не буду. Да, занозистая девка! – он подхватил на руки Бажена: – Ну что, герой, мамке, как всегда, мешаешь?

– Я помогаю...

Вера распрямилась, тыльной стороной ладони провела по упрямо спадающей на лоб пряди – волосы у нее были густокаштановые, пышные, схваченные сзади в узел красно-перламутровой заколкой, – улыбнулась Виктору:

– Забери его к себе. А я домою тут...

– Пойдешь к нам? – затормошил сосед малыша: – А? Пойдешь или нет, говори?!

– А велосипед дашь? – сказав это, Важен проказливо-недоверчиво смотрел на взрослого дядьку.

– Дам. А как же.

– Пошли тогда, – и стал нетерпеливо подталкивать Виктора к его комнате.

Квартира была коммунальная, трехкомнатная: в одной комнате жили Божидаровы (Вера, Гурий, Важен), в другой – бездетные, однако порядком пожившие на свете люди – Михаил Иванович и Антонина Ивановна, а в третьей – Виктор с женой Галей и сыном Димкой. Димка с утра ушел в детский сад, так что велосипед его можно пустить в прокат без всякой опаски: обычно Димка неохотно делился игрушками.

Дверь в свою комнату Виктор оставил открытой. Важен взгромоздился на трехколесный велосипед, однако ногами до педалей не доставал, и Виктор, придерживая Бажена, сам катал велосипед по ковру, при этом не забывал разговаривать с Верой:

– Что-то Гурия не видать, а, Вера?

– Долго теперь не увидишь, – с придыханием, моя полы, обозленно-весело ответила Вера.

– В командировке, что ли?

– Ага, в командировке, – усмехнулась Вера. – Такая командировка, лучше не придумаешь... Сбежал наш Гурий!

– Как сбежал?! – Виктор от изумления даже выглянул из комнаты и опять не смог не воскликнуть: – Ну, Верка, бесстыжая! Да спрячь ты ноги свои, дура-баба!

– Очень просто сбежал, – не обращая внимания на восклицание соседа, продолжала Вера: – «Не могу больше с вами жить!» – хлоп дверью – и был таков. Ван-Гог с большой дороги!

Виктор рассмеялся.

– Нашел чему смеяться, – проворчала Вера.

– Дядя Витя, катая, катая! – требовал Важен, потому что Виктор на некоторое время отвлекся от своих «обязанностей». Вновь взявшись за велосипед, Виктор объяснил Вере:

– Да это я так, не в обиду рассмеялся... Ты говоришь: «Ван-Гог с большой дороги!» Ну, я и... Смешно!

– Ага, художник чертов! Представляешь, Вить, не живется ему, как всем. Плохо ему с нами! И с Ульяной плохо было, и с Ванюшкой, с Валентином плохо. А с кем тогда хорошо?! В гробу ему будет хорошо, на том свете, вот где успокоится наконец, лысый вурдалак!

И опять Виктор не выдержал – рассмеялся.

Он и вообще-то был смешливый, добрый, легкий на сердце человек, сосед Виктор. Работал он в милиции, старшим сержантом, обычно дежурил на «боевом» посту вблизи станции метро. Жена его, Галя, работала диспетчером вневедомственной охраны (на пульте противоквартирных краж), у них было двое детей – Андрей и Димка. Старший, Андрей, воспитывался на юге, бабушкой Галки; а Димка рос здесь. Примечательно, что Виктор с Галей недавно развелись, но продолжали жить в одной комнате (а где взять жилье?). Платил Виктор Галке алименты – тридцать три процента за двоих сыновей, хотя старший мальчик не жил с ними. Галка не высылала бабушке деньги на воспитание Андрея, наоборот, бабушка умудрялась помогать дочери, высылала кое-что сюда, в Москву. «Хорошо устроилась, – говорил обычно про жену Виктор. – Двух маток сосет...»

Посмеявшись, Виктор с подходцем поинтересовался (Вера перешла мыть пол на кухню):

– Может, он к Ульяне подался? К бывшей супружнице?

– Как бы не так! Он шарахается от нее, как черт от ладана. Да и вон только что Ванюшка звонил. Хотят приехать... Если что, они бы первыми знали. Не-ет, в бега он подался. Куда-нибудь подальше от нас всех, от детей... К загадочным своим мадоннам, с ними слаще, видать, пропащее его дело.

– А так вообще-то он вроде неплохой мужик, а, Вер? – осторожно закинул удочку Виктор.

– Все вы неплохие мужики. А вот как нарожаем вам детей – начинаете куролесить, будто черти на горбу скачут. Тьфу!

– Мама, не ругайся, нехорошо, – строго произнес Важен и, насупившись, погрозил ей указательным пальцем.

– Не буду, не буду, – отходчиво улыбнулась Вера, направляясь в ванную – поменять в ведре воду.

– А Ванёк с Вальком приедут – что им скажешь? – поинтересовался Виктор у Веры.

– Ванек-Валек, Ванек-Валек, – стал самозабвенно повторять имена братьев Важен.

– Вот ума-то и не приложу, что им сказать. Ванюшка по телефону спросил: «А папа дома?» Нет, говорю, мы одни. А вот приедут – что им сказать?

– Да, задача, – нахмурился сосед. Он подумал: «Эх, мне б такую жену, как Верка! Да я бы горы свернул... А Гурий – сбежал. Чего, спрашивается?» А вслух посоветовал: – Скажи, в командировке – и все дела.

– Да уж, видать, придется.

– Может, еще вернется, одумается? – Виктор по себе знал, сколько раз хотелось плюнуть на все, на пропащую свою жизнь с Галкой – и вдруг, наоборот, начинал надеяться наладить эту жизнь, сделать доброй, взаимно счастливой, хорошей. Но не получалось.

Покончив с уборкой, Вера ополоснулась под душем, весело-восторженно брызгаясь под жгучими сильными струями, напевая вполголоса цыганский романс: «Только раз бывают в жизни встречи, только раз судьбою рвется нить...» Виктор слышал эту ее песню, слышал и то, как весело, звонко разбиваются струи о горячее молодое тело Веры, и было ему сладкотомительно и, пожалуй, даже жарко до озноба, которым в иные секунды пробирало его с ног до головы. Потом Вера вышла из ванной, словно выпорхнула: в ярко-цветастом длиннополом халате, быстрая, свежая, с румяно-упругими, как яблоки, щеками, с блистающими в улыбке белоснежными зубами, с глазами, в карих наплывах которых черными огнями горели антрацитовые зрачки. Вышла, встряхнула головой, и пышные ее каштановые волосы струями полились по плечам, по груди, по всему молодому яркому телу.

«Ах, Верка, Верка!» – безнадежно восхищался сосед Виктор.

Коммунальная квартира блестела чистотой, и на душе, почувствовала Вера, действительно стало отрадней и спокойней. Продолжая напевать цыганский романс, Вера направилась на кухню, поставила на плиту чайник. В этот момент в дверь квартиры напористо-весело зазвонили.

– Ну, братцы твои приехали. Иди, встречай! – крикнула Вера Бажену.

И тот, смешно повторяя: «Ванек-Валек приехали, Ванек-Валек приехали», со всех ног бросился к входной двери и запрыгал вниз, поджидая, когда подойдет мать и щелкнет английским замком. В нетерпении он стучал кулаком в дверь и говорил: «Сейчас, сейчас!» («Час, час!»)

Вера дверь открыла, и ребята влетели в квартиру, как ураган. В черных вельветовых брюках, в ярких красно-белых куртках, в спортивных вязаных шапках, в красно-белых кроссовках, они в первые секунды всегда воспринимались как братья-близнецы, хотя в действительности были погодками: Валентину – одиннадцать лет, Ванюшке – десять. Похожими их делала одинаковая одежда, однако сами по себе они были очень разные: Валентин – повыше ростом, посветлей, поласковой, с туманно-голубыми глазами, с мягкой хитровой или ироничной улыбкой; Ванюшка – крепкий, резкий, с темными глазами, серьезный и не улыбочивый. Правда, если улыбался, то доверчиво до наивности, простодушно. Учились они так: Ваня – получше, Валя – похуже.

Как влетели в квартиру, Ванюшка сразу подхватил Бажена на руки, стал тормозить его, тискать, обнимать, а тот, глупыш, округлил глаза и все повторял:

– Я большой, у-у-у, я большой! (Получалось: «Я бо сой, у-у-у, я бо сой...»)

Братья смеялись:

– Ты босой? Без ботиночек? Ну-ка, давай наденем ботиночки. – Хотя прекрасно понимали, что малыш говорит: он «большой», а не «босой».

Важен сердился, мотал головой, капризничал: не хотел он надевать никакие ботиночки.

– Оставьте его, ребята, – сказала Вера. – Пусть ходит без туфелек. Он большой, любит бегать босой! – добавила в рифму и рассмеялась.

– Я бо сой... я бо сой! – повторял, благодарный матери, Важен и тоже смеялся.

– Ну, ладно, ладно, клоп, поверили тебе! – нажал ему на нос Валентин, и Ванюшка опустил его на пол.

Вера отправилась на кухню – заваривать чай, да и блинов не мешало бы испечь к чаю, а дети побежали в комнату – играть. Самое удивительное: играли они как бы на равных, из-за чего происходили бесконечные ссоры и стычки: Важен не хотел уступать старшим братьям, а те – малышу. Игры, правда, были самые простые, чтобы их мог понимать Важен, но от этого страсти не становились меньшими: все время кто-то кричал, кто-то капризничал, а кто-то плакал (Важен, конечно).

На аппетитный запах блинов заглянул на кухню и сосед Виктор:

– Угостишь, Вер? Моя совсем обнаглела: сама ест, а меня будто и нет рядом.

– Ну-ка, давай вот этот, первый! – подала ему Вера блин, который, хотя и говорят, что «первый блин комом», оказался распрекрасным.

– Да-а, вкуснотища! – обмакнув блин в варенье и в два приема справившись с ним, Виктор блаженно закатил глаза. Вера подложила ему еще блинов, налила чаю.

Внешностью Виктор напоминал сиамского кота: белесый, с темными подпалинами бровей, с пепельными тонкотопорщающимися усами и, конечно, с дымными глазами. Так что, когда он расправлялся с блинами, сладострастно двигая усами и закатывая дымные глаза, на кота походил еще более. Поглядывая на него, Вера добродушно усмехалась.

– Эй, гоп-компания, а ну-ка живо за стол! – прокричала Вера ребятам. У них было принято: если соседи дома – тогда каждый ест в своей комнате, чтоб не мешать друг другу, а если никого нет – можно расположиться и на кухне: удобней.

Перекусив, Виктор пошел одеваться – к сожалению, развел он руками, ему пора отправляться на службу. В шинели, туго перетянутый ремнями, в фуражке с кокардой, с кобурой на боку, он выглядел куда как молодцом. Тем более при такой внешности: высок он был, строен, молод. Загляденье, а не сосед!

– Иди, иди, ишь расфрантился, распустил перья! – махнула Вера рукой.

Виктор, делать нечего, весело козырнул и только было открыл дверь, как из Веринной комнаты, словно оглашенная, вылетела святая троица братьев.

– О, дядя Витя, пистолет! Покажи! – закричал Ванюшка.

– Покажи, покажи! – вторил ему младший братец Важен.

– Пистолета нет. Одна кобура. – Виктор расстегнул кобуру – показал: точно, пустая.

– У-у, какой же ты милиционер?! А вдруг бандиты? – разочарованно протянул Ванюшка.

На что старший его брат Валентин усмехнулся:

– «Бандиты»! Какие днем бандиты?! Вот ночью – другое дело.

– Не в этом тайна, – объяснил Виктор. – Пистолеты у нас в «дежурке» хранятся. Вот приду – мне его и выдадут. А бандиты, между прочим, они и днем орудуют. Так что... Честь имею, пацанва! – И, козырнув, старший сержант милиции захлопнул за собой дверь.

– Ну, ребята, быстро, быстро! – поторопила их из кухни Вера. – Блины стынут...

Ах, как они ели, когда сидели все вместе, одной семьей! По одному ребят не усадишь, а устроятся втроем – только за ушами трещит. Так было и летом, в Северном, где они прожили целых три месяца, так было и сейчас... Блины они макали в земляничное варенье (землянику, кстати, сами собирали летом): темно-янтарное, золотисто-тягучее, оно густо охватывало блины, которые таяли во рту, как божий нектар. Даже Важен съел три огромных блина, а уж в варенье измазался – слов нет.

– Эх, ты, клоп! – говорил, к примеру, Ванюшка. – Не умеешь блины есть.

– Я умею («Я мумею»), – не соглашался тот.

– Вымазался, как кутенок, – добавлял Валентин и пытался салфеткой вытереть Бажена.

Тот сопротивлялся:

– Я сам! Сам! – И, действительно, вытирался, только половина варенья все равно оставалась на ладошках и пальцах.

Потом пили чай. Горячий, душистый, разливали его по блюдечкам, дули потихоньку, чтоб остыл. А Баженчик так дул усердно, что брызги летели по сторонам.

– Тихо, обожжешься! – говорила Вера.

– Я не обожгусь, я бо сой!..

Смеялись, конечно.

За чаем, на правах старшего, Валентин поинтересовался как бы между прочим:

– Тетя Вера, а папа где?

– Да нету папы, – ответила она легко, будто ничего не случилось.

– А скоро будет?

– Даже не знаю... Он вроде в командировку уехал. Пожалуй, даже надолго.

– Надолго? – удивился Валентин.

– Вроде так.

Валентин с Ванюшкой многозначительно переглянулись.

– Тетя Вера, можно вас на минутку? – почему-то тихо проговорил Валентин и показал на дверь головой: мол, надо выйти.

– Ванюшка, присмотри за Баженом. А ты не балуйся! – строго приказала Вера малышу.

– А я балуюсь. Мама, я балуюсь, я расту!

В коридорчике, куда они вышли, Валентин прошептал Вере на ухо:

– Тетя Вера, мама просила денег... Она сказала: пусть папа даст пораньше в этот раз, а то у нас закончились. Мы телевизор купили. Правда, правда...

Вера неожиданно покраснела. Деньгами обычно занимался Гурий, а как теперь быть? Да и денег всего у нее было двести с небольшим рублей: все, что Гурий оставил. Скоро, правда, ей выходить на работу. Важен в ясли пойдет, полегче, конечно, будет, но пока...

– Хорошо, хорошо, я сейчас приготовлю, – пробормотала Вера. – Подожди меня на кухне.

Вера отправилась в комнату, достала деньги. Обычно Гурий давал сто двадцать рублей и, хотя он давно задыхался от этой суммы, платил все-таки исправно. Причем не по исполнительному листу – просто по договоренности. И вот: «Не могу больше так жить!» – хлопнул дверью и исчез. Вера не скандалила, не останавливала, не шумела. Только слушала его и смотрела. От детей сбежать хочешь? Беги! От жен? Беги! Из Москвы? Беги. От себя все равно никуда не убежишь...

Вот что она знала хорошо: от себя не убежишь, поэтому молчала. Верила ли, что он всерьез? Верила. Знала. Видела. Но что она могла поделать? Он сам выбрал такую жизнь – никто его не принуждал. Сам. И виноватых вокруг нет. Можно было и не хлопать дверью. Но он хлопнул...

Вера взяла конверт, вложила в него сто двадцать рублей.

И тут задумалась...

Писать или не писать записку Ульяне?

И решила: писать. Все равно без объяснений не обойтись. Раньше или позже, но не обойтись.

«Ульяна, – написала она, – деньги посылаю последний раз. Хочешь – верь, хочешь – нет, но Гурий ушел от нас. Уехал. А куда – я не знаю. Может, сам будет вам присылать, – тоже не знаю. Он ничего не сказал. Сказал только: «Не могу больше так жить!» – и исчез. Не заставляй ребят просить у меня деньги. Большие мне давать нечего. Вера».

Она запечатала конверт, передала его на кухне Валентину:

– Вот, отдашь маме.

Теперь в свою очередь покраснел Валентин (все эти денежные операции его всегда смущали; хорошо Ванюшке: ему, как меньшему брату, никогда не поручали важных дел). Сложив конверт вдвое, Валентин сунул его в карман.

– Давай я заколю карман булавкой. Чтоб надежней, – предложила Вера.

– Ничего, тетя Вера, не беспокойтесь, все будет, как в лучших домах Лондона, – Валентин перестал смущаться.

– Ох, ох, английский лорд! – усмехнулся над ним Ванюшка. – Лондона!

– Английский лорд, английский лорд! – подхватил Важен, а получилось: «Лийский лолт, лийский лолт!»

И все дружно рассмеялись над его произношением. Вскоре Валентин сказал:

– Теть Вера, ну, мы поедem? Нам ведь еще в школу, во вторую смену. Пока доберемcя...

– Как хоть учитеcь-то? – поинтересовалась Вера.

– А, – скривился Ванюшка.

– Плохо? – огорчилась Вера, покачав головой.

– Валька так себе, а я...

– А ты у нас отличник! – поддел Ванюшку старший брат.

– Но уж в слове «корова» два раза не акаю, как некоторые... – взвинулся Ванюшка. За что тут же получил подзатыльник от Валентина. Но и Валентин сразу получил сдачу. Глядя на них, и Важен ударил сначала одного, потом другого.

– Эй, петухи, прекратите! Прекратите сейчас же! – строго прикрикнула Вера. Ребята раскраснелись, косились недовольно друг на друга, но битву не возобновляли. А Важен хитровато поглядывал на них, будто только и ждал, когда братья начнут снова воевать.

– Давай-ка я все же застегну карман, – решила Вера и, не обращая внимания на возражения Валентина, отстегнула булавку от своего халата и накрепко прихватила Валентину карман. – Теперь можете ехать.

В дверях ребята расцеловали Бажена, он цеплялся за их шеи, не отпускал, хныкал, просил взять с собой. Вера сказала:

– Исчезайте мигом, а то расплачетcя всерьез!

Они с сожалением оторвались от Бажена, Вера подхватила его на руки, ребята нырнули за дверь, послав братцу воздушный поцелуй, и, как только дверь захлопнулась, Важен громко, от души расплакался. Еле-еле успокоила его Вера.

Часа через два, как раз когда Важен спал, позвонила Ульяна. Разговаривать спокойно она разучилась – сорвалась в крик:

– Ты что, считаешь, я учу ребят просить у вас деньги?! Плевать мне на ваши деньги! Это не мне деньги! Это Гурька сыновьям платит, чтоб не ходили драные да рваные. Сами ведь подлизываетесь к ним, сюсюкаете, а по мне – лучше б они вообще к вам не ездили, нечего делать! Больно нужно клянчить у вас деньги!

– Тихо, тихо, у меня малыш спит, – успокаивала ее Вера, будто Важен и в самом деле мог слышать, как кричала в телефонную трубку Ульяна.

– А что Гурька смылся – ты мне эти сказки не рассказывай! От алиментов хотите избавиться? Не выйдет! Я его судом где хочешь найду, из-под земли достану... Что там у вас – меня не касается: хоть глотку перегрызите друг другу, а мне чтоб каждый месяц сто двадцать рублей на стол – и баста! Поняла?!

– Ну что ж, инти его. Найдешь – твой будет.

– А ты будто не знаешь, куда он смылся?!

– Не знаю.

– Что ж так? То миловались-любовались, Ульяне в душу плюнули, Ульяна – старуха, Ульяна – дура, а теперь сами разбежались? Вот так, милая! Хлебнешь теперь, узнаешь, почем фунт лиха! Аукнулись кошке мышкены слезки?

– Да уж на мышку ты не похожа, не наговаривай на себя.

– Поговори, поговори у меня... Узнаешь теперь, как одной-то воспитывать ребенка. А то ворковали... ах, голуби сизые! Доворковались. Но учти, если Ульяну дурой оставить хотите, не выйдет. Обоих в тюрьму засажу, так и знай!

– Ты думай, что говоришь...

– Я-то думаю! А вот что ты думала, когда замуж за этого придурка выходила?

– А ты?

– Я! Я выходила – у него детей не было. А ты на него позарилась, когда у него два довеска были. Разница большая!

– Вот и думала, что все хорошо будет, – твердо сказала Вера. – Вперед загадывать – лучше сразу в гроб ложиться: все равно умирать.

– Во, она еще зубоскалит, – истерично расхохоталась Ульяна. – Философствовать научилась у своего Рубенса! Ты бы лучше не словеса Гурькины слушала, а дурь из его головы выбивала. Больше бы толку было.

– Ты выбивала – много выбила?

– Из него выбьешь, как же! – и будто споткнулась Ульяна, спросила тише, серьезней: – Неужто вправду сбежал, а, Вера?

– Видать, сбежал. «Не могу, – говорит, – больше так жить!» – и ушел. С одним портфелем в руках.

– Может, одумается?

– Может, и одумается, – вздохнула Вера. Она и сама пока не верила до конца, что Гурий ушел навсегда.

– Поругались, что ли? – совсем по-бабьи, жалостливо поинтересовалась Ульяна.

– Да нет, вроде не ругались. – ответила Вера.

– А чего тогда ушел?

– Кто его знает... Целый год сам не свой был. И летом тоже, когда в Северном жили, места себе не находил. Сама знаешь: на него накатит – тут берегись.

- Да знаю... А если вправду сбежал – как жить-то будем, а, Вера?
- Проживем.
- Проживе-ем... Тебе хорошо. У тебя один на руках. А мне каково? С двумя? Да еще с такими? Ведь на них огнем все горит. Никаких денег не напасешься. На двух работах кручусь... Времени свободного нет, чтоб хоть приглядеть за ними, в учебе помочь. Вот вырастут остолопами да хулиганами – будет Гурьке расплата.
- А ты за деньгами не гонись, всех не заработаешь. Лучше за ребятами присмотри, больше толку будет.
- Ты меня еще учить будешь! – вновь перешла на крик Ульяна. – Вот когда доведешь своего до возраста моих, тогда посмотрим. А то советчица нашлась: у самой от горшка два вершка, а туда же – учит.
- Ну, накричалась? Все сказала? – спокойно спросила Вера.
- Учти, Верка, если надуть меня задумали, аукнется вам, ой, аукнется!..
- Больно надо надувать. Сами обмануты.
- Ну то-то. А вообще не знаю, девка, не знаю, как мы с тобой будем... Тебе когда на работу-то? Скоро ведь?
- Недели через две. Год в послеродовом была, полгода – за свой счет.
- Малого куда денешь?
- Куда все. В ясли. Считай, уже устроила.
- Устроила! Устроить – легче легкого, а как болеть начнет? Будет тебе работа...
- Как-нибудь.
- Ладно, поживем – увидим. Может, наш охламон еще одумается, вернется?
- Может быть.
- Ты вот что, Вер, ты на меня за крик не обижайся. Не заставляю я ребят просить деньги... Гурька сам давал, приучил. Они вроде как семейное задание выполняют. Поняла?
- Чего тут не понять.
- Во-от. Ну а если что – звони. Помогу, чем могу. Да и вообще... вдвоем-то оно легче, сама знаешь.
- Ну да, вроде так.
- А Гурий... ох, не верю, чтоб совсем смотался. Кишка у него тонка!
- Посмотрим. Но денег за него платить у меня нету.
- Ладно, считай, поговорили. Пока!
- До свиданья, Ульяна.

Глава II

Окончив институт, Гурий Божидаров, как мало кто из иногородних, уже имел в Москве комнату. Сделал он это так: еще учась на первом курсе, устроился дворником в домоуправление Министерства черной металлургии; и не как студент устроился, а по настоящей трудовой книжке, которая «завелась» у него сразу после окончания школы: какое-то время – два летних месяца – Гурий работал в районной газете ретушером. Поступив в институт, Гурий не стал сдавать книжку в отдел кадров, а приберег ее для устройства на работу дворником. Так через пять лет он стал на законном основании владельцем девятиметровой комнаты в коммунальной квартире, причем в паспорте у него красовался подлинный штамп постоянной московской прописки.

Чтобы произошло это, много совпадений и стечений обстоятельств должно было случиться, но фортуна улыбнулась Гурию, будто действительно счастливому и удачливому человеку, и Гурий Божидаров в возрасте двадцати двух лет стал «коренным» москвичом.

С дипломом учителя рисования Гурий мог устроиться в любую московскую школу, однако теперь, имея постоянную прописку, он не спешил. Другая звезда манила его – не учительствовать, а творить. То есть рисовать, писать самому.

Все лето после окончания педагогического института Гурий провел на Урале, в родном поселке Северный. На улице Миклухо-Маклая жила его престарелая мать Ольга Петровна Божидарова, бывшая учительница географии, а ныне пенсионер, простой человек. Никаких «художников» в семье Божидаровых, по крайней мере по материнской линии, никогда не водилось, Гурий, как оказалось, был первым в этом ряду.

Каждое утро, захватив блокнот и карандаш (реже – кисточки и гуашь), Гурий уходил в лес и даже не столько в лес, сколько лесом, извилистыми тропами, поднимался на Мал аховую гору, туда именно, где в небо возносился Высокий Столб – прихотливо-узорная деревянная пожарная каланча, с верхней площадки которой открывались широкие и спокойные дали уральских дивных просторов. Всякий раз, когда Гурий забирался по шаткой лестнице на ветхую площадку Высокого Столба, дух его замирал в сладостном и восторженном преклонении перед странной, волнующей, даже страшной в чем-то красотой, которая открывалась жаждущим глазам. Он не понимал, не мог выразить понимания в словах, но чувствовал, будто сама истина жизни, ее суть и смысл раскинулись по далям и весям бескрайних просторов. Хотелось не только созерцать, но запечатлеть эту красоту, вот только как это сделать? Какими линиями, красками и оттенками передать, чтобы тот, кто смотрел на рисунок, почувствовал бы то же волнение, ту же благодать и возвышенность ощущения жизни? Гурий устраивался на верхней площадке, подолгу рисовал, набрасывал то один, то другой пейзажный кусок на бумагу, движения его были резки, смелы, и казалось, не сам он водил рукой, а неизвестная тайная сила вела его за собой, направляя все движения. Однако тайная сила была, поклонение и преклонение ощущались, а линии, силуэт, рисунок, то есть сама тайна, не давались легко и просто, свободно и широко, как это ощущалось в груди, в сердце, в самом легком дыхании, которое кружило голову. Еще тогда, в те дни, в те годы испытал Гурий безмерную пропасть между чувственным, видимым миром – и свершённым, запечатленным художественным движением души. Пропать не уменьшалась от того, что ты чересчур сильно чувствовал и чересчур жарко хотел изобразить: сила чувств и мера дара не существовали как нечто равнозначное. Наоборот, они воспринимались как нечто мучительно-разное, противоположное.

И что такое художник? Тот, кто преодолевает это мучение? Или тот, кто не знает его вовсе? Кто парит в своем искусстве, как птица над просторами?.. Или кто мучается, как легендарный Сизиф?..

Больше всего и чаще всего Гурий хотел изобразить именно такую картину: парящего над дальней деревушкой – над Красной Горкой – ширококрылого и широкогрудого коршуна. Ему хотелось воссоздать окружающий пейзаж – деревушку, синий сосновый лес, зеленую речку Чусовую, извилистую дорогу на Северный – как бы с высоты птичьего полета, с той точки, в которой широко и вольно кружил и кружил коршун; хотелось передать единство этих двух безмерно разных миров – мира птицы и мира людей, – так передать, чтобы единение ощущалось именно в природе, через природу. Природа как бы объяла эту картину в единую купель, и ничто – ни настороженно-хищный полет птицы, ни напряженность будничных забот жителей Красной Горки, – ничто не в силах разъять эту природой защищаемую высшую идиллию: даже враждующее, противоборствующее – всё было единым, слитным в природе.

Впрочем, не давалась эта мысль Гурию; не мог он ухватить ее, выразить до конца в словах, а в чувствах иной раз все мешалось, переходило в сумбур, в хаос, и он бросал в ожесточенный карандаш или рвал наброски пейзажа. Не получалось, не срасталось ощущаемое и изображаемое, видимое и нарисованное.

Эта пропасть художества и жизни открылась ему впервые именно в то лето; до этого, как ему казалось, он осваивал основы техники, ибо главное, считал он, – это талант изображать, копировать действительность.

Какой же ты художник, думалось ему, если не можешь копировать жизнь один к одному? Ан нет, не в этом тайна живописи.

Копировать-то можно, но художественность тут как раз и ускользает. Она прячется за семью холмами, слегка проглядывает из-за облаков или вдруг птицей улетает за тридевять земель... И никак не поспеваешь за ней душой: ты тянешься за тайной лишь рукой, карандашом, гуашью, а душа почему-то бескрыла, и вялы ее паруса, и не дует в них попутный ветер истины!

Измучился он в то лето донельзя; настроенный на высокую волну, подхваченный честолюбивым жжением души – взрастить или пробудить в себе художника, Гурий с удивлением обнаружил: не только окрыленность, но даже и простое «копирование» жизни не даются ему легко и свободно, а постоянно ускользают, опустошая сердце, разрушая помыслы.

Однажды, как раз когда он находился в таком состоянии, повстречалась ему в лесу, на пологом спуске Малаховой горы, на девственной земляничной поляне, семья Варнаковых – мать с отцом и их дочка. Они были соседи, Варнаковы и Божидаровы, однако жили не на одной, а на параллельных улицах; зато огороды их как раз соприкасались друг с другом. И сарай, и дровяник, и конюшня, и сеновал стояли у них под одной крышей, только разделены были глухой перегородкой – точно по линии соприкосновения огородов. Так что соседи были близкие, как говорится, ближе не бывает. Жили, правда, обособленно друг от друга, но так жили все в Северном. Сосед соседом, а своя жизнь забирает настолько, что некогда по сторонам глазеть да оглядываться.

Варнаковы, отец с матерью, сидели на траве вокруг трапезы, разложенной на чистом цветастом платке: тут яйца, огурцы, помидоры, лук, хлеб, молоко. Дочь их устроилась на припёночке, задумчиво глядя меж деревьев: там, будто через решето, просеивались звонкие до стекленности лучи восходящего солнца. Словно веер божеский ниспадал на землю...

Гурий не обрадовался встрече – не хотелось ему ни с кем разговаривать, душа, угнетенная, ныла и саднила, а вот соседи искренне заулыбались ему. Вышли они сегодня по землянику, всей семьей почти ведро набрали, вот немного осталось до верхнего венчика. (Земляника крупная, сочная, сладкая.) Да тут как раз притомились, сели отдохнуть, перекусить малость.

– Подсаживайся, – показал Варнаков-отец.

– Спасибо, дядя Емельян, – отказался Гурий. – Не хочется.

– Что ж ты за мужик такой, есть ему не хочется?! – всплеснула руками мать. – Ну-ка, садись, садись... – Когда он сел, захопотала вокруг него, подкладывая то крупный краснoboкий помидор, то свежую краюху хлеба, то кружку вспененного парного молока.

– Спасибо, тетя Наталья.

– Ешь, ешь, спасибо потом скажешь.

Гурий уныло ел, подавленный грустными размышлениями. Отец и мать Варнаковы недоуменно переглядывались: чего это с ним? И мать не нашла ничего лучшего, как упрекнуть дочь:

– А ты чего сидишь куксишься? Песню б, что ли, завела...

Дочь ничего не ответила, только покосилась недовольным глазом; и вдруг прыснула: Гурий неожиданно напомнил ей гиппопотама, которого она видела в зоопарке: у того были такие же грустные-грустные, будто бессмысленные, глаза и такая же тяжелая челюсть, как глыба.

– Во, прорвало ее! – удивился отец. – То сидит – слова из нее не вытащишь, а то веселится невесть с чего.

– Гурька на гиппопотама похож! – объяснила дочь простодушно и в открытую громко рассмеялась.

– Чего-о?.. – протянул отец. – Ты хоть думай головой-то, прежде чем ляпать!

– Ой, Ульянка, ой, девка! – запричитала мать. – Смотри у меня!

Матери с отцом, что и говорить, было неудобно перед Гурием: они знали, он в этом году институт окончил, учителем стал, а эта их балаболка – тьфу! – мелет чего попало.

Гурий тоже удивленно взглянул на Ульяну.

– Чего смотришь?! Думаешь, не похож? Похож! Гип-по-по-там! – веселей прежнего проговорила Ульяна и продолжала смеяться.

И тут вдруг, вот в этом лице Ульяны, в ее брызжущих весельем глазах, в ее полных ярких губах, в чуть откинутой назад голове, в ее по-лебединому изогнутой шее, в длинной-длинной косе с вплетенным в нее жарким красным бантом, тут вдруг померещилось Гурию, привиделось что-то особенно завораживающее, таинственно-мудрое и одновременно мудро-открытое... что-то такое, что...

Гурий привстал, медленно подошел к Ульяне (все смотрели на него с изумлением), осторожно, двумя пальцами, прикоснулся к девичьему подбородку, чуть приподнял его и отвел слегка в сторону:

– Вот так... Так... – И медленно, пятясь, отошел на свое место, присел на колени, пристально вглядываясь в Ульяну и иногда томно щурясь, будто от жаркого солнца.

Лицо у Ульяны неестественно вытянулось, улыбка исчезла.

– Ну, смейся! – приказал Гурий.

Ульяна покорно рассмеялась, но вышло не так свободно и весело, как прежде.

– Не так! Как раньше! – продолжал командовать Гурий.

Ульяна только таращила глаза.

– Ну, говори: Гурий – гиппопотам! Гип-по-по-там! – приказывал Гурий.

И тут, вздохнув, она сказала: «Гип-по-по-там!» – а сказав, рассмеялась так же громко и заразительно, как совсем недавно.

– Так, так, – забормотал Гурий, достал блокнот, быстро раскрыл его и начал стремительно, частыми штрихами набрасывать контуры смеющегося лица Ульяны.

Варнаковы-старшие замерли, как громом пораженные: прямо на их глазах в блокноте как бы само собою, по мановению волшебной палочки, стало возникать искрящееся весельем, запрокинутое, прекрасное своей молодостью и здоровьем лицо их дочери (беспутной дочери, с которой уж сколько они намучились!), с характером ее взбалмошным, грубым и неуправляемым.

И вот – такая красавица буквально на глазах расцвела на бумаге!

Сколько минут писал ее Гурий?

Минут пять, не больше, но пять этих минут во всем дальнейшем будущем этих людей, возможно, станут высшими и счастливыми мгновениями прожитой жизни.

Закончив портрет, чувствуя в душе невероятный подъем, Гурий великодушным, свободным жестом вырвал страницу из блокнота и, подойдя к Ульяне, протянул ей:

– Это тебе. На память.

И, не ожидая ни слов благодарности, ни слов удивления, а тем более слов отказа, Гурий легко повернулся и пошел... Но нет, не туда пошел, куда направлялся прежде, то есть под гору, домой, а снова наверх, на Малаховую гору, на заветную площадку Высокого Столба – снова и снова писать дали и просторы уральских пространств, а самое главное – того коршуна, кружащего над Красной Горкой... Будто что-то соединилось сейчас в Гурии в понимании сути происходящего: тот коршун и эта девушка, Ульяна, почему-то были одно целое, неделимое, вот только бы ухватить это не только мыслью, но чувством, движением руки, прозрением...

С того дня, странное дело, Ульяна часто думала об этом случае, о соседе, о Гурии и не могла не смотреть с удивлением на собственный портрет, который повесила над кроватью: это была она, конечно, да, но в то же время – совсем другая девушка, как бы выше, сложнее и загадочней настоящей Ульяны; и оторваться от нее не могла Ульяна, но и согласиться, что она – такая, тоже не могла... Какая-то тайна тут была, недосказанность, недовыясненность, и эта тайна мучила Ульяну.

Ведь они – странно и смешно вспомнить! – когда-то учились с Гурием в одном классе, вместе выпустились из одной школы-десятилетки, но если и обращала Ульяна когда-нибудь внимание на Гурия, то только тогда, когда с жалостью, перемешанной с брезгливостью, отмечала его маленький рост, толстую шею и странно-выпуклый, тяжелый подбородок. Кого-то он все время напоминал Ульяне, какое-то животное, но она никак не могла уяснить, какое именно, и от этого нередко злилась. Мальчишки часто били Гурия, он не плакал, не сопротивлялся, он только подолгу смотрел на своих обидчиков большими глубокими глазами, в которых будто ничего не выражалось, а стояла только безмерная, внечеловеческая тоска... Его часто били и за это – за то, что *так* смотрел. Страшно было, неудобно, не по себе, когда он смотрел на своих обидчиков большими круглыми глазами, и молчал, и ничего не говорил, и только иногда губы его кривились в усмешке, верней, усмешки как таковой не было, просто губы кривились – и все.

Станный был парень, не похожий ни на кого, и его искренне не любили...

Пять лет после школы Ульяна провела как в чаду. Сразу после выпускных экзаменов пробовала поступать в Уральский политехнический институт – куда там, нахватала одних «троек», так и плюнула в досаде и больше об институте не вспоминала, не мечтала. Пошла работать на трубный завод оператором, работа ловкая, веселая, только знай нажимай на кнопки и тумблеры, когда идет погрузка или отгрузка труб; после смены Ульяна не чувствовала никакой усталости (молода была, полна сил), так что растрачивала себя на танцы, веселье, вечеринки, свидания, поцелуи... К двадцати двум годам знала все, частенько и дома не ночевала, отец Емельян Варнаков, когда это случилось в первый раз, выпорол ее вожжами, она покорно снесла побои, только позже твердо сказала отцу: «Тронешь еще раз – вот тут и повешусь! – и показала на крюк в сарае. – И записку напишу: отец довел, так что отвечать по закону будешь...» Емельян только хмыкнул, но с тех пор больше пальцем не тронул дочь – девка дурная, взбалмошная, в самом деле может руки на себя наложить... Но, что битая, что не битая, Ульяна продолжала жить по-своему, а когда рано начинаешь жить по собственному хотению-разумению, рано и тоска в сердце закрадывается. Живешь как Бог на душу положит, а все пустеет и пустеет сердце, ноет душа, и только новым весельем, еще более бесшабашным или бесстыдным, бывает, и выбьешь эту тоску, а только выбил – назавтра она еще больше, безотрадней и горячеей.

Странная жизнь.

Скольким парням кружила голову Ульяна, сколько парней и ей головушку дурили, за одного, казалось, за Степку Перемышлева, она готова была хоть в огонь, хоть в воду, а обернулось, как провела с ним несколько ночей, что она для него «очередная дура», как сам Степан признался, легко улыбаясь ей в глаза. Всем им, хоть тому, хоть этому, одно нужно было... да и отчего им другого хотеть, если она сама не против?

Вот и выпестовался у нее характер: веселая, заводная, взбалмошная, а то вдруг в хандру упадет, голову туго-туго платком перетянет, чтоб не разрывало ее от боли-тоски, и валяется дня по три-четыре на диване, отвернувшись к стене, видеть никого не хочет.

И тут на тебе – встретился в лесу Гурий, в пять минут выписал ее такой красавицей, что она сама себя не узнавала, будто разглядел в ней то, что скрыто от чужих глаз, да и от своих собственных, за семью замками. А может, Гурий просто придумал ее? Наделил чем-то таким, чего в действительности в ней не было? Поманил странным видением, словно тайну открыл, а потом глядь – рассыплется все в прах, как много раз прежде случалось, когда она тянулась к кому-нибудь душой и сердцем?..

Но не думать о Гурии она уже не могла; он, казалось, забыл о ней, часто уходил в лес, на Малаховую гору, а Ульяна, выследив его, иногда кралась за ним следом. Ну, как кралась? Просто шла за ним, не окликая, не задерживая, будто так брела, своей дорогой, но дорога эта след в след совпадала с дорогой Гурия.

Он, конечно, замечал Ульяну, но ничего не говорил, как бы не придавая никакого значения, что она идет за ним следом. Но сердце его билось сильнее, тревожнее...

Приходили на Малаховую гору, на Высокий Столб, Гурий забирался на верхнюю площадку, рисовал изо дня в день неистовой, злей, самоотверженной, а Ульяна устраивалась внизу: то просто сидела, напевала какую-нибудь грустную песню, то ни с того ни с сего смеялась, кричала наверх: «Эй, художник, возьми меня к себе!», то тихо, трепетно собирала в округе цветы, ромашки и васильки, сплетала из них золотисто-голубой венок и царственно надевала его на голову, крича: «Эй, художник, смотри!»

Гурий был неспокоен душой, художество не давалось ему, он не мог понять, что нужно Ульяне от него, да она и сама не знала, зачем преследовала его, просто тянуло к нему, как раньше тянуло к другим, только в Гурии чудилась какая-то загадка, схожая с непонятной хрупкостью, слабостью, тонкостью, в то время как в других она прежде всего ощущала силу, удаль, озорство, азарт жизни. Но там – опустошало впоследствии, а здесь... Что здесь? Она не знала пока.

Ему хотелось прогнать ее: она мешала ему, не давала сосредоточиться, услышать в себе слияние с тишиной и безбрежностью открывающихся пространств, но и прогнать ее он не мог, не решался.

Однажды он спустился по шаткой лестнице вниз, думая, что ее нет, давно ушла (однако, как ни странно, с досадой чувствуя, что ему начинает не хватать Ульяны), а она вдруг вышла из избушки рядом, из заброшенной избушки лесника, в золотисто-голубом венке из ромашек и васильков, улыбнулась ему:

– Хочешь есть, Гурий? Я приготовила. Там, в избушке, – показала она рукой.

– Не хочу, – сказал он, и голос его прозвучал резко, грубо.

– Ты что, боишься меня? – спросила она.

Он не ответил. Верней, ответил, но не сразу. Он посмотрел на нее внимательным, строгим, едва ли не суровым взглядом и заметил, что глаза ее, прежде черные, вороного крыла, высветлели, будто покрылись пеплом.

– Нет, не боюсь, – наконец ответил он.

Она медленно пошла ему навстречу. Она смотрела Гурию в глаза, и ему показалось, что она – не просто Ульяна, а что-то другое, колдовское, неумолимое, вечное.

– Я нравлюсь тебе? – улыбнулась она.

И он, сам того не ожидая, сказал вдруг:

– Я люблю тебя.

Она покачала головой:

– Любишь меня? Ой ли? Разве ты знаешь, что такое любовь?

– Не подходи, – сказал он.

– А говоришь – любишь меня, – усмехнулась она. – Ты не сумасшедший, Гурий?

– Нет, не сумасшедший. Я хочу стать художником. Все очень просто.

– Тын так художник.

– Нет, я пока не художник. Я никто. Но я не хочу так жить. Не могу жить, чтобы быть никем.

– А как же другие, Гурий? – Она продолжала идти к нему, не послушавшись его слов: «Не подходи», приблизилась совсем вплотную, переспросила: – Как же другие, Гурий? Я, например?

– Женщины – совсем другое, – прошептал он. Он не в силах был отвести от нее взгляда.

– Поцелуй меня! – приказала она и что-то тихо-тихо стала бормотать про себя, будто молилась шепотом. Он видел ее слабо шевелящиеся губы, видел широко открытые пепельные глаза, полные огня и страсти, видел томную ложбинку меж ее грудей в разрезе легкого летнего платья и не посмел послушаться ее, протянул к ней руки. А она протянула к нему свои, обвила его шею и закрыла глаза нежно-золотистыми, как персики, веками. И веки ее дрожали, он еще видел это...

А над дивными уральскими просторами кружил и кружил коршун.

Осенью Гурий с Ульяной уехали в Москву.

Весной следующего года, двадцать девятого мая, Ульяна родила первого мальчика – Валентина. А через год, тринадцатого сентября, второго – Ванюшку.

Жили они в комнате в девять метров. Конечно, два малыша в девятиметровке – хорошего мало, но как-то все обходилось впрямь по пословице: «В тесноте, да не в обиде».

Поначалу Гурий устроился в школу № 150 Фрунзенского района – преподавать рисование, но потом бросил учительство: Ульяна одна не справлялась с малышами. Пошел снова в дворники, в прежнее домоуправление, и теперь только ранние часы отдавал работе, а остальное время занимался, как и Ульяна, воспитанием сыновей.

Росли они болезненными, особенно мучили их уши, хронический отит: чуть простуда – глядь, опять осложнение. Однажды трое суток подряд из всех четырех ушей тек гной – ничего не могли сделать врачи. Пришлось вызывать платного – старую матерую профессоршу Ревекку Соломоновну. Та только и спасла ребят (а ведь могли оглохнуть): такое лекарство прописала, что после первых же двух уколов гной перестал сочиться, а через пять-шесть уколов отит отступил совсем. Вот только денег пришлось платить много: за разовый вызов профессорши к одному ребенку – пятнадцать рублей плюс оплата такси; один приезд Ревекки Соломоновны обходился им в сорок рублей.

Где такие деньги брать? Трудно приходилось, надо было изворачиваться.

От той поры осталась на память фотография – может, лучшая детская фотография ребят: сидят два малыша рядышком, глаза – грустные-грустные, а головы обмотаны бинтами, будто круглые белые скафандры надеты. Спиртовые компрессы делали на уши, накладывали на них непромокаемую кальку, на нее – толстые ватные прокладки, затем в несколько слоев шерстяные тряпицы, и все это густо-туго обматывали бинтами, чтоб компрессы служили подольше, понадежней. На фотографии этой Валентину – 2 года 3 месяца, Ванюшке – год.

А когда Валентину исполнилось три года, произошло грандиозное событие: райисполком выделил им двухкомнатную квартиру, причем с изолированными комнатами. Да и то сказать: даже по суровым московским меркам семья «уральских варягов» Божидаровых выделялась

среди очередников: на одного человека приходилось у них по 2 квадратных метра с хвостиком. Как ни прижимист любой райисполком, а тут пришлось раскошелиться, выделить отдельную квартиру.

И вот с того времени, быть может, и потекла в их семье жизнь не совсем та, о какой мечталось всем прежде. Гурий вновь потянулся к карандашу, к которому всерьез, пожалуй, не притрагивался более трех лет. Отдельная ли квартира послужила толчком, или вновь преподавательская работа, которую в очередной раз Гурий предпочел «дворничеству», или оттого, что подросли ребята и с ними стало легче управляться, – как бы там ни было, но Гурий с прежней, а то и с еще большей силой потянулся к художеству. Теперь в его распоряжении находилась отдельная комната (не кабинет, конечно – в этой же комнате они и спали с Ульяной, – но все-таки...) – и он мог все свободное время рисовать карандашом или писать гуашью, отгородившись от семьи дверью. Пока еще Ульяна не работала – дело было терпимым, а когда Ванюшке исполнилось полтора года, пришлось Ульяне, чтобы не потерять стаж, устраиваться на работу. Из-за детей она пошла сначала няней в ясли, потом – завхозом в детский сад.

И что же?

Гурий как бы выпал из семейной жизни.

Ходил ли он на работу, был ли дома, отправлялся ли в магазин, отводил ли ребят в детский сад, он словно не замечал ничего вокруг, глаза его туманно и отстраненно блуждали по сторонам или, наоборот, как бы фокусировались на чем-то таком, что виделось ему одному, более никому. Ну ладно, если бы это касалось только его собственной жизни, но ведь он жил не один, в семье, а семейные проблемы он совершенно перестал брать в расчет.

И Ульяна потихоньку стала роптать. И не оттого, что делать ей нечего, не от характера своего, который, конечно, сладким не был, просто не успевала везде и всюду одна, задыхалась.

Но чем более она роптала, тем более замыкался в себе Гурий; чем более она ругалась, тем глупей и странней блуждала на его губах улыбка. Он мог, например, когда она исходила криком, вдруг как бы узреть в ней что-то необыкновенное, мчался за бумагой и карандашом, садился напротив и начинал набрасывать ее сверкающие гневом глаза, перекошенные злостью и раздражением губы, вздувшиеся на шее вены.

– Еще... еще немного, – умолял Гурий. Это все так выводило из себя, что она не только кричать или ругаться, но и просто слова сказать больше не могла – гнев и обида переполняли ее. А он продолжал: – Ну, Уля, еще... еще покричи... еще немного... прошу тебя!

Именно в один из таких моментов, не помня себя, Ульяна размахнулась и отвесила Гурию такую пощечину, что он не удержался на стуле и свалился на пол. Но и упав, обхватив от изумления и боли горящую щеку левой рукой, он продолжал (на четвереньках) пристально вглядываться в лицо Ульяны, словно стараясь постичь ее суть до конца, до доньшка. А у нее... губы у нее задрожали, глаза безумно расширились... Ладонями Ульяна обхватила себя за лицо и, раскачиваясь, запричитала, как над покойником (непонятно только – над собой или над мужем):

– Господи, да за что нам жизнь такая?! Ты посмотри, посмотри на него, Господи... он безумец, безумец, Господи!

А Гурий как ни в чем не бывало поднялся на ноги, пристроился на стул и, продолжая пристально вглядываться в Ульяну, теперь набрасывал ее на бумагу уже вот такую – причитающую, без слез плачущую и молящую Бога кто его знает о чем...

Да и занятия в школе пошли вскоре у преподавателя Гурия Божидарова не тем привычным чередом, как это принято по любой министерской программе, а без всякой системы и последовательности, по наитию или совсем по зигзагам причуд.

Например, Гурий Петрович мог дать своим ученикам такое задание: нарисуйте меня, каким вы меня представляете, скажем, усопшим – в обыкновенном тесовом гробу, без цветов, но с разного рода венками и подношениями.

Особенно возмущалось школьное начальство вот этим словом: «подношениями»... Что имел в виду Гурий Петрович? – добивалось начальство. И тот ответ, который преподнес учитель рисования: что, мол, интересно взглянуть, какую именно дорогую для себя вещь они решатся подарить мне на прощание, – этот ответ принять вразумительным никак нельзя было, хотя Гурий Петрович и упирал на нравственный аспект поставленной перед учениками задачи.

Или он мог дать другое задание: нарисуйте то, что делается в вашем сердце, когда вы смотрите, к примеру, на нравящегося вам мальчика или девочку.

Но как можно нарисовать то, что делается в сердце?!

Вот что интересовало директора школы, но на это Гурий Петрович только пожимал плечами. Вскоре, впрочем, ему надоела и школа...

Глава III

– Это квартира Божидаровых?

– Да, да...

– Ульяна, здравствуй! Это Вера звонит, соседка.

– Какая Вера? Какая еще соседка? – раздраженно проговорила Ульяна: Ванюшка с головы до ног облился водой, а тут некстати этот непонятный звонок.

В трубке раздался веселый жизнерадостный смех:

– Да Вера, Верунька Салтыкова. Из Северного. Ты что, забыла меня?!

– Фу-ты, – радостно-облегченно вздохнула Ульяна. – А я-то думаю: какая соседка? Ты откуда звонишь, Верунька? Из Москвы, что ли?

– Ну да, конечно. Я ведь теперь тоже москвичка!

– Как москвичка?! – не поняла Ульяна. – В институт, что ли, поступила?

– Нет, не в институт. На работу устроилась. По лимиту на стройку.

– С ума, что ли, сошла? Зачем тебе это?

– Как зачем? – продолжала говорить Верунька без всякой обиды, все тем же веселым жизнерадостным тоном. – В Москве хочу пожить, на людей посмотреть, себя показать. Что мы, хуже столичных, что ли?

– Ну, дуреха... – не обидно, а скорее жалостливо проговорила Ульяна. – Помыкаешься теперь.

– Почему это? Ты же не мыкаешься?

– Ну, о нас чего говорить. О нас – статья особая, – и тут же, оборвав себя, поинтересовалась: – Ты где живешь-то? Далеко от нас?

– У метро «Октябрьское поле». В общежитии.

– Смотри-ка, совсем близко, надо же...

– Я чего и звоню-то, Ульяна. На ноябрьские домой летала, тетя Наталья и попросила: «Завези моим гостинцы, заодно посмотришь, как они живут». Я говорю: неудобно, а она: это мне, говорит, неудобно, что навязываю тебе, да уж уважь... Вот и звоню.

Ульяна невольно отметила про себя по-доброму: смотри, какая дуреха, так все и выкладывает, а вслух сказала:

– Ты сейчас-то свободна, Верунька?

– Ага.

– Тогда садись на 65-й троллейбус и едь до метро «Сокол». Адрес у тебя есть? Мы тут совсем рядом с метро.

– Ага, есть адрес. Тетя Наталья написала.

– Ну и отлично. Давай, жду!

– А ты одна дома-то, Ульяна?

– Пацаны со мной. Приболели – вот и сижу с ними.

– А дядя Гурий?

На этот вопрос Ульяна искренне рассмеялась:

– Какой он тебе «дядя Гурий»?! – «Дядя» она произнесла с нажимом, с некоторой подначкой. – Просто Гурий – и все.

– Ну, все-таки... – замаялась Верунька.

– Ладно, нет его, нет. Успокойся. Ну, давай, жду!

Через полчаса они сидели на кухне, пили чай. Гостинцы из дома были такие: жареный гусь и яблоки-антоновка. От жареного гуся Вера наотрез отказалась («Гуся сами съедите, вечером сядете за стол – и всей семьей...»), а вот на чай согласилась с удовольствием. Пока они сидели, разговаривали, ребятишки – Ваня с Валентином, – поблескивая глазенками, вытаскали

с кухни почти полную вазу яблок: сочные, ядреные, яблоки спело брызгали соком под нажимом востреньких ребячьих зубов. Веру ребяташки сразу узнали (бывали в Северном, видели ее много раз), но все равно отнеслись несколько настороженно. А может, с настороженным любопытством? Потому что забегут на кухню, схватят по яблоку – и бежать, а сами зырк, зырк глазами на гостью: какая, мол, ты – добрая? злая? играть любишь? баловаться любишь? А как только Верунька протянет к ним руку по вихрастым головам потрепать, они тут же раз – и увернулись. Игривые, как котята, и хитрые, как лисята. Верунька смеялась над ними, они обиженно пыхтели и убежали в свою комнату: ну и смейся, мол, смейся, эх ты!

Но больше всего понравилась Вере их квартира! Две чистые, такие просторные, такие ухоженные комнаты. Свежие – в голубой и золотой цветочек – обои; блистающие белизной (с синеватым отливом) потолки; полированная мебель, телевизор, большой холодильник на кухне, и сама кухня – такая уютная, с теплой домашней лампой под абажуром, низко висящим над полуовальным столом. И везде, во всех комнатах, картины, репродукции, просто наброски карандашом или рисунки гуашью (это уже творения Гурия), причем Вера заметила, что чаще других на рисунках либо лицо Ульяны, либо пейзажи до боли знакомых уральских мест: то речка Чусовая, то Малаховая гора, то Высокий Столб, то коршун над широкой уральской тайгой, то крохотная река Северушка, то залитый солнцем пруд в Северном...

Будет ли и у нее, Веруньки, когда-нибудь такая квартира в Москве? Муж? Дети? Ах, не стоит и мечтать об этом раньше времени.

Они с Ульяной сидели на кухне, чаевничали, и поскольку Верунька совсем недавно вернулась с Урала, она захлеб рассказывала о поселковых новостях, а Ульяна, глядя на ее такое юное, чистое, розовощекое лицо, на пышные, легкие, будто пух, каштановые волосы, на ее источающие здоровье и беспричинную радость глаза, Ульяна завидовала ей тихой светлой завистью, даже не столько завидовала, сколько думала: вот и я, дуреха, совсем недавно была такая, чистая, глупая, веселая, счастливая, а теперь... куда все подевалось теперь? И ведь странно, что Ульяна думала так: намного ли она была старше Веры?

– Сколько тебе хоть лет? – не удержавшись, поинтересовалась-таки Ульяна у Веруньки.

– В октябре восемнадцать исполнилось. Второго числа. Вот смотри, видишь? – протянула она руку.

– Что это? – не поняла Ульяна.

– Колечко, – таинственно-тихо прошептала Верунька. – За мной один парень ухаживает, Сережа Покрышкин, это он на день рождения подарил.

Ульяна пригляделась повнимательней: ничего особенного, ни золотое, ни серебряное, обычная «неделька».

– Ты смотри, с парнем с этим поосторожней. Сколько ты в Москве?

– Два месяца. Третий пошел...

– И уже с парнем ходишь?

– А что, нельзя? Сережа очень хороший, только один раз и поцеловал меня. И то в щеку.

– Все они хорошие, – махнула рукой Ульяна. – До поры до времени.

– Как ты можешь так говорить?! – вспыхнула Верунька. – Ни разу не видела человека – и уже не веришь ему?

– А чего им верить? У них одно на уме, – продолжала свое Ульяна.

– Ну, знаешь! – возмутилась Верунька, и лицо ее покрылось пунцовыми пятнами.

– Вот что, милая, – не обращая на ее возмущение никакого внимания, твердо произнесла Ульяна: – Возьму-ка я над тобой шефство. А то мне после твой отец не простит, что я соседски не уберегла тебя.

– Что еще за шефство? Воспитывать меня будешь?!

– Да ты не злись, не злись, дурочка... Сама потом спасибо скажешь! В другой раз, как он целовать тебя начнет, ты ему скажи: поехали, мол, в гости.

– Куда это?

– А к нам. Ко мне, вот сюда. Хочу взглянуть, что он за фрукт.

– А дядя Гурий не рассердится?

– Какой он тебе «дядя»?! – во второй раз рассмеялась над ее «дядьканьем» Ульяна. – Гурий он, просто Гурий... Меня ведь ты зовешь – Ульяна?

– Ну, ты – одно, а он... он же художник.

– Да ладно, все мы одно: земляки, провинциалы.

– Но он же... как это говорится... творческий человек. И вообще, Ульяна, если честно, – перешла на шепот Верунька, – я его боюсь, твоего мужа. Они, эти художники, не от мира сего.

И еще раз от всей души рассмеялась над словами Веруньки Ульяна. Так рассмеялась, что на смех ее прибежали на кухню Ванюшка с Валентином:

– Мама, ты чего смеешься? Мы тоже хотим, ура, ура! – и в самом деле, глядя на мать, стали смеяться вместе с ней, да так звонко, таким веселым залившимся смехом, что и Верунька не выдержала, стала тоже смеяться с ними за компанию. А когда просмеялись (у Ульяны даже слезы на глазах появились), мать еще раз вручила сыновьям по яблоку: «Идите, играйте у себя!» – и выпроводила с кухни.

После этого, неожиданно посерьезнев, сказала со вздохом:

– Эх, девонька, знала бы ты, какие они, эти творческие люди... Ничего-то они не умеют, ничего-то не хотят делать... одни глупости на уме. Била бы я их как Сидоровых коз, работничков этих, будь на то моя воля.

– Да за что?! – изумилась Верунька: лицо ее и впрямь выражало полное недоумение.

– А так, для профилактики. Вер, Верунька, замуж будешь выходить, смотри в оба, чтоб мужик молоток в руках умел держать, хозяйством бы занимался, домом, детьми. А все эти художники, музыканты, писатели (уж поверь, насмотрелась я на них!) – зряшные люди, толку от них как от козла молока.

– Ну, зачем ты так, Ульяна, – укорила Верунька. – Нехорошо. У тебя же муж – художник. Отец твоих детей. Хозяин в доме. Что ты, зачем так?!

– Не хозяин он. Я в доме хозяйка. Вот так!

И с этими ее словами, будто услышав их разговор, в квартире появился Гурий, тихо открыв входную дверь собственным ключом. Ванюшка с Валентином, расслышав звяканье ключей, бросились к отцу на шею: «Папа! Папка! Папка пришел!» Он поцеловал каждого в щеку, погладил по голове, спросил:

– Ну, братцы-божидаровцы, как жизнь?

– Ура! Хорошо! В садик не ходим! Болеем! Ура!

– Ясно. Каникулы посреди рабочей недели? Ладно, бегите к себе. Мама дома?

– Дома, дома, где мне еще быть?! – Ульяна, воинственно подперев бока руками, вышла из кухни. – А вот где ты шляется три дня, если не секрет?!

– У нас что, гости? – показал Гурий на незнакомое женское пальто, висящее на вешалке.

– Да, у нас гости. Но ты все же ответь сначала на вопрос: где ты был три дня?

– Работал, – и, больше ничего не объясняя, прошел на кухню. Увидев Веру, едва приметно поклонился: – Добрый день!

– Здравствуйте! – Верунька соскочила с табуретки, густо покраснев от смущения и робости.

– Гурий, – представился хозяин девушке.

– Ты что, совсем белены объелся? Веруньку не узнаешь? – напустилась на мужа Ульяна.

– Какую Веруньку?

– Соседку нашу.

– Соседку? – Гурий так ничего и не понимал.

– Соседку по дому. Ну там, на Урале, в Северном.

– Н-не-е... узнаю... – пробормотал Гурий.
– Да это же Верунька, Ивана Салтыкова дочь! Что, совсем своих забывать стал?!
– Верунька? Салтыкова? Так она же всегда вот такой была, – показал Гурий рукой чуть выше своего пояса. – Надо же, как выросла. Совсем взрослая стала.
– Вот, гостинцы нам с Урала привезла. От матери с отцом.
– Спасибо, Вера, – опять едва приметно поклонился Гурий и хотел было уйти к себе, в комнату, но Ульяна остановила его:
– Ты хоть знаешь: Верунька теперь в Москве живет?
– Да?! – удивился Гурий.
– Ага, – кивнула Верунька. – По лимиту устроилась. На стройку. Живу пока в общежитии.
– Вот думаю: поздравлять – не поздравлять? Трудно здесь, в Москве, – сказал Гурий. – Одиноко. Особенно нам, провинциалам.
– Ну, тебе-то, положим, не очень одиноко, – вставила насмешливо Ульяна. – Три дня где-то пропадал – и одиноко ему. Скажите на милость!
– Ладно, я к себе, заниматься, – и Гурий, забыв разом все только что произнесенные и услышанные слова, словно впал в отрешенное состояние и направился в свою комнату.
– Ну, мне тоже надо идти... спасибо за чай, за гостеприимство! – заторопилась Верунька и стала накидывать на плечи пальто.
Ульяна отчего-то улыбнулась:
– Ладно уж, беги, – и тихонько добавила Веруньке на ухо: – Но уговор наш помни: в следующий раз захвати ухажера. Хочу взглянуть, что он за птица, – и нажала Веруньке на нос, как на кнопку.
Вера улыбнулась, расцеловала на прощание ребятшек – и исчезла, будто и не было ее только что в гостях.

Дня за три до Нового года в дверь квартиры неуверенно позвонили; Ульяна открыла – за порогом смущенная, запорошенная снегом Верунька, рядом с ней – парень в мохнатой шапке, в черном полушубке с рыжевато-красным – колечками – воротником, с такими же рыжевато-красными отворотами на рукавах и самое главное – в валенках (что непривычно для Москвы).

– Мы тут мимо шли, гуляли, я и говорю Сереже: давай заглянем? Здравствуй, Ульяна! Не помешаем?

– Здравствуйте, здравствуйте, молодежь! Проходите, не стесняйтесь, – запросто пригласила их в дом Ульяна.

– Вот, знакомьтесь, – когда разделись, представила Верунька: – Это Сережа, а это Ульяна.

Ульяна с Сережей пожали друг другу руки, улыбнулись. Рука у Сережи была крепкая, рукопожатие сильное, мужское. Ульяна даже шутливо ойкнула, из-за чего Сережа смутился слегка.

– А мы с шампанским! Можно? – спросила Верунька. – Новый год скоро, решили поздравить вас...

– Можно, можно, – приветливо проговорила Ульяна. – Проходите.

Прошли на кухню, сели за стол; услышав, что из крана методически капает вода, Сережа приметно поморщился.

– А ребята где? – поинтересовалась Верунька.

– В саду. Где им еще быть, – объяснила Ульяна.

– Мы вот тут гостинцы им принесли, – и Верунька достала из сумки два ярких разноцветных пакета с нарисованными на них дедом Морозом и Снегурочкой.

– Ну, в этом году вы первые, кто поздравляет их. Спасибо! – поблагодарила Ульяна.

– А дядя Гурий на работе?

Ульяна непроизвольно усмехнулась:

– «Дядя»-то? «Дядя» на работе. Опять ты за свое, Верунька?

– Да не могу я так сразу.

Зато Сережа, не в пример Вере, быстро освоился в гостях, Ульяну стал называть на «ты», да и не это примечательно, а то, что как только женщины стали готовить кой-какую закуску на стол, он неожиданно спросил у хозяйки:

– Ульяна, инструмент есть какой в доме?

– Инструмент? Что за инструмент?

– Ну, плоскогубцы, отвертка, молоток. Я бы хоть кран подтянул пока.

Ульяна обрадованно достала из кладовки небольшой посылочный ящик, в котором и хранился весь домашний инструмент:

– Вот.

– Так, посмотрим...

Минут через пять, не больше, кран был починен; сам по себе он был не так еще плох, просто стнила резиновая прокладка. Сережа вырезал из толстой подошвы нужный кругляш, проколол шилом посредине резины дырку, вставил кругляшок в металлический ободок – и прокладка была готова. Закрутил кран – он как новенький стал, ни одной лишней капли не падало в кухонную раковину.

– Ой, Сережа, спасибо тебе! Сколько Гурию говорила: почини, почини! – с него, как с гуся вода. Вот что значит настоящий мужчина.

Сережа на все эти Ульянины слова только горделиво усмехнулся и отправился в ванную – отмыть руки. Но и там, увидел он, была примерно та же картина: вода не только капала из крана, давно образовав на раковине желто-ржавый след, но и просачивалась в саму ванну через изножье крана. Пришлось Сереже и тут засучить рукава, причем в буквальном смысле. Серый свой грубошерстный свитер он стащил через голову, а рукава голубой футболки засучил покороче, чтоб не испачкать майку.

– Газового ключа нет? – выглянув из ванной, спросил он у Ульяны.

– Все, что есть, в ящике, – развела руками Ульяна.

– Ладно. Придется плоскогубцами.

Когда он скрылся в ванной комнате, Ульяна поинтересовалась у Веры:

– Он кто у тебя? Ишь хваткий какой.

– Сантехником работает. За что ни возьмется – все у него получается.

– Молодец! – похвалила Ульяна. – Такие мужики мне нравятся. Не то что наши мямли.

Вскоре был починен и кран в ванной. Помыв хорошенько руки с мылом, надев свитер, причесав черные свои, кудрявые волосы, Сережа, довольный и сияющий, вернулся на кухню.

– Инструмент я пока там оставил, в ванной, – сказал он Ульяне.

– Ладно, я потом уберу. Садись, Сережа, все уже готово, – Ульяна показала на самое почетное (обычно хозяйское) место. – Спасибо тебе! Теперь буду знать: если что отремонтировать – попрошу тебя.

– Точно, – согласился Сережа.

Только они сели за стол и разлили по бокалам шампанское, в квартиру вошел Гурий. Между прочим, Сережа за минуту до этого спросил: «Хозяин-то скоро с работы вернется?» – «Не знаю», – пожала плечами Ульяна, и вот – оказался муженек легок на помине. (Почему-то Ульяне думалось, что Гурий всегда появлялся не вовремя, хотя как сказать: может, наоборот, с его-то точки зрения, он объявлялся как раз вовремя.)

Ну, познакомиться – познакомились быстро, сели за стол вчетвером, Ульяна произнесла тост:

– С наступающим Новым годом, что ли?! А, молодежь?

– Ага, с Новым годом, с новым счастьем! – весело-игриво поддержала ее Верунька.

Мужчины выпили молча. А через некоторое время Сережа поинтересовался у Гурия:

– Слушай, старик, ще туту вас можно покурить?

– Покурить? – Гурий растерянно взглянул на жену: где, мол, можно у нас курить?

– Вообще-то курящих мы отправляем в туалет, – с улыбкой извинения объяснила Ульяна. – Но тебе, Сережа, разрешаем курить здесь. Кури!

– Ну нет, – не согласился Сережа. – Всем так всем в одном месте, – и он решительно поднялся из-за стола.

Через минуту, выглянув из туалета, он крикнул Гурию:

– Слушай, старик, тащи-ка ящик с инструментом из ванной!

Гурий непонимающе смотрел на Сережу. (Вообще-то со стороны было забавно наблюдать, как Сережа, который лет на восемь младше Гурия, запросто обращался к хозяину на «ты», называл его «стариком», относился как бы покровительственно, что ли. Во всяком случае, если не всем, то Ульяне это действительно казалось забавным.)

– Чего смотришь? Бак у тебя течет. Тащи инструмент!

Бачок в туалете и в самом деле давно протекал; и не то что бы расколот был, нет, а вот протекал – и все тут.

Пришлось Гурию слушаться – принес инструмент Сереже. Тот быстро открыл крышку.

– Смотри, – и показал пальцем, – вот здесь, видишь, поплавок слишком высоко всплывает? Берем вот эту штуку и... – Сережа захватил плоскогубцами толстый металлический стержень, изогнул его в нужную сторону и опустил резиновую грушу на воду: уровень воды в бачке резко снизился. – Видишь, теперь не должно подтекать...

Проверил несколько раз – с поплавком действительно все в порядке, а вода все равно потихоньку-помаленьку сочится в унитаз.

– Ага, ясно, – немного подумав, хмыкнул Сережа. Закрутил вентиль, слил воду из бачка, протянул руку к Гурию: – Отвертку!

Гурий послушно подал отвертку.

Минут десять возился Сережа с не очень-то и хитрым устройством, а вспотел изрядно. Закавыка оказалось в том, что нижний поршень порядком истрепался, резина потрескалась, и именно через эти мелкие трещинки пробивалась вода. Опять ножницами Сережа вырезал из подошвы упругое резиновое кольцо и наставил его на поршень, будто насадку сделал.

– Вообще-то поршень менять надо, – объяснял Сережа с придыханием, ловко работая где отверткой, а где плоскогубцами. – Но первое время и такой послужит.

Пока мужчины занимались ремонтом, Ульяна с Верунькой потихоньку секретничали. Выбор Веруньки Ульяна одобрила, но строго наказала:

– Смотри, только в главном ему не уступай!

– В чем это, в главном? – не понимала Верунька.

– Ну ты что, дурочка совсем? – улыбалась недоверчиво Ульяна. – Совсем не понимаешь?

– Нет, – мотала головой Верунька.

– Ну, как тебе объяснить... Одним словом, с парнем все можно, только в постель с ним не ложись. Поняла?

– Да ты что, Ульяна?! Да Сережа... он такой хороший... добрый... что ты! Он меня не обижает.

– Честно?

– Честно.

– Смотри какой, – усмехнулась Ульяна. – А все равно будь осторожна. Уж больно он мастер на все руки. Не по годам умелый и серьезный. Да, видать, и опытный.

– Что ты хочешь сказать этим?

– А то и хочу, что ты – зеленая, а он калач тертый.

– Тс-с... – Верунька приложила палец к губам: на кухню возвращались мужчины.

– Ну, теперь бачок в полном ажуре! – произнес Сережа, довольно потирая руки.

– Вот спасибо, – еще раз поблагодарила Ульяна. – Значит, на будущее договорились: если что понадобится – приглашаем Сережу, так?

– Точно, – подтвердил Сережа.

В дальнейшем разговоре ничего особенного не было, да и просидели гости недолго: еще минут десять-пятнадцать. А там и засобирались домой, в общежитие. Правда, один раз, из вежливости, Верунька поинтересовалась у Гурия (он сидел за столом не улыбочивый, серьезный, сосредоточенный на чем-то своем, будто отрешенный от всего мира):

– Трудно быть художником, дядя Гурий?

– Опять ты за своего «дядю»? – укорила ее Ульяна.

– Художником? – задумался Гурий. – Я не художник. Далеко мне до художника, ребята.

– Как же? – не поняла Верунька. – Вон у вас сколько нарисовано...

– И, правда, старик, брось скромничать, – обронил Сережа. – Художник – значит художник. Скажи лучше: много заколачиваешь?

– Не в этом дело, – вздохнул Гурий. – Не в деньгах дело. Жить надо по-человечески. Вот что главное. А мы не живем. Не умеем жить по-настоящему. Все только готовимся; а потом глядь – и нет нас.

– Философствуешь много, старик. Базар разводишь. Смотри на жизнь проще, – подсказал Сережа. – Смотри в корень!

– Вот-вот, – согласился Гурий.

Но весь этот диалог прошел незамеченным; Ульяна только немного поморщилась: терпеть не могла, когда заходили разговоры на отвлеченные темы. Тут у Гурия не заржавеет: красивые и умные словечки он говорить мастак. А вот кран починить, унитаза отремонтировать – тут художников сразу нет, тут нужны люди мастеровые, не болтуны. Вроде Сережи.

Кстати, когда гости ушли, Ульяна так и сказала Гурию:

– Вот они, мужики настоящие! Один раз пришел – и сразу все починил. А ты? Годами исправить ничего не можешь.

– Да, да, – согласившись с женой, невнятно пробормотал Гурий. – Это ты верно говоришь, верно... – и, как тень, исчез в своей комнате: так ему вдруг захотелось набросать на бумаге лицо Сережи, кудрявую его голову, улыбку. И уверенность жестов, и жесткость характера. И как-то совсем не вязалась рядом с ним Верунька Салтыкова. Или он ошибался, Гурий?

В феврале, накануне праздника, Сережа с Гурием нос в нос столкнулись в винном магазине на улице Георгия Георгиу-Дежа.

– О, старик! Здорово! С наступающим тебя! – Сережа, не жалея молодецкой силы, крепко пожал Гурию руку.

– Взаимно, – улыбнулся Гурий.

– Слушай, ну как там, не текут мои краны?

– Не текут.

– То-то. А ты чего такой кислый? Вина – полная охапка, а вид – как на похоронах.

– Да так... – Гурий не стал объяснять, что в очередной раз поспорил с Ульяной, хлопнул дверью и ушел куда глаза глядят.

– Слушай-ка, – загорелся Сережа, – поехали к нам в общагу, а? Развеешься немного, а то закис небось на домашних харчах. Поехали, а?

– Да вроде никто не приглашал...

– Я приглашаю! – Сережа ударил себя в грудь. – И потом, слушай: художник должен знать народную жизнь.

– А она у вас там народная? – улыбнулся Гурий.

– А как же! Набили дураков в общежитие, как селедок в бочку, – живи, шантрапа! Строй светлое будущее!

– Ядовито сказано, – прокомментировал Гурий.

– А ты что думаешь: если мы дураки, то и чувство юмора потеряли? Только им и живем.

Одним словом, согласился Гурий, к тому же хандра его мучила, ощущение творческого бессилия: что ни делай, все не то, не так... Отчего не посмотреть на другую жизнь? на новых людей? Сели в троллейбус, и минут через пятнадцать были у метро «Октябрьское поле». Здесь, в угловом здании, и находилось общежитие строителей. В подъезде, куда зашли, первое, что бросилось Гурию в глаза, – множество детских колясок. На всех этажах, на всех лестничных площадках. «Живем – не тужим», – хмыкнул Сережа. «Ясно», – сказал Гурий. С внешней стороны, если судить по фасаду, по облицовке, здание вроде бы не старое, но внутри – запущенное, лестницы разбиты, двери обшарпаны, во всем чувствовалось запустение, безразличие и неухоженность. «Тут круговорот жизни, – объяснил Сережа. – Одни въезжают, другие уезжают. Пожили, познакомились, переженились, дитя родили, помыкались, смотришь – квартиру получили; а сюда другие въехали. И так без конца...» – «Ясно», – снова с пониманием кивнул Гурий.

Поднялись на третий этаж, толкнули огромную, в подтеках и бурых пятнах дверь («Это от вина», – объяснил Сережа) – открыто: заходи, кому не лень. Тут же вешалка: пальто, шапки, шарфы, ниже сапоги, туфли – бери что хочешь и уходи. «Воруют, но редко, – ответил на немой вопрос Гурия Сережа. – Могут и голову оторвать. Тут без церемоний...» – «Ясно», – в третий раз произнес Гурий.

Квартира была огромная, старинного типа, с большой прихожей, широким коридором, со множеством высоченных двустворчатых дверей; за каждой дверью – или семья, или несколько холостяков (холостячек); полы деревянные, давно не крашенные, облезлые и поблекшие; и опять же – множество колясок: и в прихожей, и в коридоре, и у дверей комнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.